

Читаем вместе с мамой сказки коренных народов Сибири.

«Сказка – великая духовная культура народа,
которую мы собираем по крохам,
и через сказку раскрывается перед нами
тысячелетняя история народа» А. Н. Толстой.

Цель: Ознакомление детей дошкольного возраста с сказками, сказаниями и рассказами народов, живущих на территории Сибири и Красноярского края.

Ожидаемый результат:

Дети:

- имеют представление о сказках народов, живущих на территории Сибири и Красноярского края;
- знают и называют сказки народов, живущих на территории Сибири и Красноярского края;
- проявляют бережное отношение к книгам и печатным изданиям родного края.

Список литературы:

1. Дети зверя Мааны: сказки народов Сибири о животных / худож. Х. А. Аврутис. — Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1988.

2. Русские сказки Сибири / сост. Т. Г. Леонова; худож. В. Лагуна. — Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1977.

3. Сибирские сказки / записаны И. С. Коровкиным от А. С. Кожемякиной. – 2-е изд., доп. – Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1973.

4. Сказки народов Сибири / сост.: Э. Г. Падерина, А. И. Плитченко; худож. Э. Гороховский. — Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1984.

Много интересных былин и сказок сложили народы Сибири. Сказка скрашивала тяжёлое существование людей, служила любимым развлечением и отдыхом. В сборник «Сказки народов Сибири» вошли лучшие сказки Сибири: алтайские, тувинские, бурятские, селькупские, хантыйские и многие другие. Очень занятые, интересные, занимательные былины, сказания и рассказы о животных, богатырях и хитрых девицах. В этих сказках народ выразил свою мечту о покорении сил природы. Так, в одной эвенкийской сказке женщины сделали мальчику железные крылья, и он поднялся на этих крыльях к облакам. Прекрасные иллюстрации, от которых захватывает дух, помогут читателю перенестись в атмосферу волшебных сказок Сибири.

5. Сказки народов Сибири / сост. Г. А. Смирнова; пер. на англ. язык О. В. Мязина, Г. И. Щитникова; худож. оформление В. В. Егоров, Л. А. Егорова. – Красноярск: Витал, 1992.

6. Три маралухи. Сказка. 1939 г. Язык написания: алтайский. Перевод на русский: — А. Гарф.

Большое место в фольклоре Сибири занимают сказки о животных. В сборник «Три маралухи. Сибирские сказки о животных» вошли лучшие образцы сказочного фольклора народов Сибири - эвенков, хантов, манси, кетов, нганасанов, алтайцев, бурятов, якутов, тофаларов, хакасов, тувинцев, ненцев. Сказки о животных воплотили знание и любовь коренных сибиряков к живой природе, народную мудрость и поэзию. Сказки направлены на воспитание и утверждение лучших качеств человеческой души - доброты, честности, щедрости. Незабываемы и неповторимы описания того, как сказочные герои охотятся на зверя, ловят рыбу, а женщины ведут домашнее хозяйство. Прочитав этот сборник сказок

вместе со своим ребёнком, вы донесёте до него основную мысль этих сказок. Она проста: на земле не должно быть места страданиям и бедности, зло и обман должны быть наказаны.

7. Легенды и мифы Севера: сборник / Сост., примеч. В. М. Санги; Вступ. ст. А. Пошатаевой; Худож. В. Петров. – М.: Современник, 1985. – (Библиотека литератур народностей Севера и Дальнего Востока).

«Легенды и мифы Севера» – первое столь полное издание, представляющее читателю богатое устное творчество малых народов нашей страны. В сборник вошли мифы, легенды, сказки, предания народов Севера и Дальнего Востока, собранные учёными-фольклористами и писателями на побережье Ледовитого океана, в колымской тундре, на Новой Земле, в низовьях Оби и Енисея. Мифы, сказания чукчей, саами, ульчей, нанайцев и других малых народов отражают их поэтический взгляд на мир, мечты о счастливой доле.

8. Сказки нарымских селькупов: (книга для чтения на селькупском языке с переводами на русский язык) / записи, перевод, комментарии В. Быконя [и др.] Изд-во НТЛ, К 400-летию Нарыма. Пьянкова, Т. Е.

«Сказки нарымских селькупов» – первая книга для чтения на селькупском языке с переводом на русский язык. Книга издана к 400-летию Нарыма, составлена в Лаборатории языков народов Сибири на базе двух диалектных групп селькупов Томской области – шёшкуп и чумылкуп. Книга предназначена для чтения младшим школьникам, но будет интересна также всем, кто интересуется сказками коренных народов Сибири. Здесь собраны рассказы и сказки, из которых вы сможете узнать о жизни селькупского народа в давние времена. Рассказы познакомят вас с традиционными занятиями селькупов, а сказки – с национальными селькупскими героями. Мы надеемся, что эта книга вам понравится, и вы прочтёте эти сказки.

9. Сибирские сказы / Т. Е. Пьянкова. — Новосибирск : Тимур, 1993.

Уникальность дара Таисьи Пьянковой заключается в умении поверить в чудо-невидадь. Природа открывает ей свои тайные дела: ей нашёптывают свои вековые истории мохнатые таёжные ели, с ней разговаривает только что народившийся месяц, и пичуга прилетает к ней на окно поделиться своей радостью. Очень органичный человек Таисья Пьянкова, к тому же имеет своё заповедное слово, доставшееся ей в наследство от бабушки. Слово, казалось бы, простое, да есть в нем тайная сила: ведь "простые слова - самая великая мудрость". Хорошо иллюстрированная книга "Сказов" Таисьи Пьянковой - прекрасный подарок всем равнодушным к нашему родному слову, всем, кто верит в великое чудо, имя которому - Россия. Эта книга как будто бы возвращает человека к его истокам, раскрывает суть русского сибирского человека. Вот где кладёзь народной мудрости, поэзии русского языка, неуёмной фантазии.

10. Преданья старых трактов / сост. А. П. Казаркин, 2011 : (ГУ Типография при УВД по ТО). — (Сказы народов Сибири).

В сборник «Преданья старых трактов» вошли народные легенды и мифы Томского Приобья, литературные сказы писателей-сибиряков, старинные сказанья в записи и обработке и современные литературные сказы. Между разделами помещены документальные свидетельства. Книга знакомит с легендами и сказаниями хантов и манси, селькупов, кетов, татар, чулымцев, русских старожилов. Краеведческий материал в сборнике объединён с художественным. Издание адресовано школьникам, учителям, краеведам, всем, кому небезразлично сохранение и развитие духовных, исторических и культурных ценностей коренных народов Сибири.

11. Северная книга: (краеведческий и литературно-публицистический сборник) .— (Томск : Типография издательства Красное знамя), 1993.

В сборник включены кетские, мансийские, ненецкие, селькупские, татарские, тофаларские, хантыйские, эвенкийские сказки. Сборник посвящён искусству, культуре, обычаям и обрядам, труду и промыслам коренных народов Приобья - обским уграм, хантам и манси. Эти сказки - странные, жестокие, смешные, грустные, нелепые, наивные, порой примитивные до такой степени, что сидишь с широко открытыми глазами и просто удивляешься: что это? И смеёшься, и поражаешься описываемым приключениям, жалеешь героев и не понимаешь их, и в то же время в глубине души - дикой первозданной души - очень хорошо их понимаешь. Эти странные сказки затягивают, не отпускают, принимают в свой мир и дарят нечто такое, чему уже давно потерялось название.

Алтайские сказки

Страшный гость

Жил-был барсук. Днём он спал, ночами выходил на охоту. Вот однажды ночью барсук охотился. Не успел он насытиться, а край неба уже посветлел.

До солнца в свою нору спешит попасть барсук. Людям не показываясь, прячась от собак, шёл он там, где тень гуще, где земля чернее.

Подошёл барсук к своему жилью.

— Хрр... Брр... — вдруг услышал он непонятный шум.

«Что такое?»

Сон из барсука выскочил, шерсть дыбом встала, сердце чуть рёбра не сломило стуком.

«Я такого шума никогда не слыхивал...»

— Хррр... Фиррлить-фью... Бррр...

«Скорей обратно в лес пойду, таких же, как я, когтистых зверей позову: я один тут за всех погибать не согласен».

И пошёл барсук всех, на Алтае живущих, когтистых зверей на помощь звать.

— Ой, у меня в норе страшный гость сидит! Помогите! Спасите!

Прибежали звери, ушами к земле приникли — в самом деле, от шума земля дрожит:

— Брррррк, хрр, фьюу...

У всех зверей шерсть дыбом поднялась.

— Ну, барсук, это твой дом, ты первый и полезай.

Оглянулся барсук — кругом свирепые звери стоят, подгоняют, торопят:

— Иди, иди!

А сами от страха хвосты поджали.

В барсучьем доме было восемь входов, восемь выходов. «Что делать? — думает барсук. — Как быть? Которым входом к себе в дом проникнуть?»

— Чего стоишь? — фыркнула росомаха и подняла свою страшную лапу.

Медленно, нехотя побрёл барсук к самому главному входу.

— Хрррр! — вылетело оттуда.

Барсук отскочил, к другому входу-выходу заковылял.

— Бррр!

Изо всех восьми выходов так и гремит.

Принялся барсук девятый ход рыть. Обидно родной дом разрушать, да отказаться никак нельзя — со всего Алтая самые свирепые звери собрались.

— Скорей, скорей! — приказывают.

Обидно родной дом рушить, да ослушаться никак нельзя.

Горько вздыхая, царапал барсук землю когтистыми передними лапами. Наконец, чуть жив от страха, пробрался в свою высокую спальню.

— Хррр, бррр, фррр...

Это, развалясь на мягкой постели, громко храпел белый заяц.

Звери со смеху на ногах не устояли, покатались по земле.

— Заяц! Вот так заяц! Барсук зайца испугался!

— Ха-ха-ха! Хо-хо-хо!

— От стыда куда теперь спрячешься, барсук? Против зайца какое войско собрал!

— Ха-ха-ха! Хо-хо!

А барсук головы не поднимает, сам себя бранит:

«Почему, шум в своём доме услышав, сам туда не заглянул? Для чего пошёл на весь Алтай кричать?»

А заяц знай себе спит-храпит.

Рассердился барсук, да как пихнет зайца:

— Пошёл вон! Кто тебе позволил здесь спать?

Проснулся заяц — глаза чуть не выскочили! — и волк, и лисица, рысь, росомаха, дикая кошка, даже соболь здесь!

«Ну, — думает заяц, — будь что будет!»

И вдруг — прыг барсуку в лоб. А со лба, как с холма, — опять скок! — и в кусты.

От белого заячьего живота побелел лоб у барсука.

От задних заячьих лап прошли белые следы по щекам.

Звери ещё громче засмеялись:

— Ой, барсу-у-ук, какой ты красивый стал! Хо-ха-ха!

— К воде подойди, на себя посмотри!

Заковылял барсук к лесному озеру, увидел в воде свое отражение и заплакал:

«Пойду медведю пожалуюсь».

Пришёл и говорит:

— Кланяюсь вам до земли, дедушка-медведь. Защиты у вас прошу. Сам я этой ночью дома не был, гостей не звал. Громкий храп, услышав, испугался... Скольких зверей обеспокоил, свой дом порушил. Теперь посмотрите, от заячьего белого

живота, от заячьих лап — и щёки мои побелели. А виноватый без оглядки убежал. Это дело рассудите.

Взглянул медведь на барсука. Отошёл подальше — ещё раз посмотрел, да как зарычит:

— Ты ещё жалуешься? Твоя голова раньше чёрная была, как земля, а теперь белизне твоего лба и щёк даже люди позавидуют. Обидно, что не я на том месте стоял, что не моё лицо заяц выбелил. Вот это жаль! Да, жалко, обидно...

И, горько вздохнув, ушёл медведь.

А барсук так и живёт с белой полосой на лбу и на щеках. Говорят, что он привык к этим отметинам и уже похвывается:

— Вот как заяц для меня постарался! Мы теперь с ним друзья на веки вечные.

Ну, а что заяц говорит? Этого никто не слышал.

Литературная обработка А. Гарф.

Жадный глухарь

Роняет берёза золотистую листву, золотые иглы теряет лиственница. Дуют злые ветры, падают холодные дожди. Лето ушло, осень пришла. Птицам время в тёплые края лететь.

Семь дней на опушке леса в стаи собирались, семь дней друг с другом перекликались:

— Все ли тут? Тут ли все? Все иль нет?

Только глухаря не слышно, глухаря не видно.

Стукнул беркут своим горбатым клювом по сухой ветке, стукнул ещё раз и приказал молодой кукушке позвать глухаря.

Свистя крыльями, полетела кукушка в лесную чащобу.

Глухарь, оказывается, здесь — на кедре сидит, орешки из шишек лущит.

— Уважаемый глухарь, — сказала кукушка, — птицы в тёплые края собрались.

Уже семь суток вас дожидаются.

— Ну-ну, всполошились! — проскрипел глухарь. — В тёплые земли лететь не к спеху. Сколько здесь в лесу орехов, ягод... Неужто это всё мышам и белкам оставить?

Вернулась кукушка:

— Глухарь орехи щёлкает, лететь на юг, говорит он, не к спеху.

Послал беркут проворную трясогузку.

Прилетела она к кедру, вокруг ствола десять раз обежала:

— Скорее, глухарь, скорее!

— Уж очень ты скорая. Перед дальней дорогой надо маленько подкрепиться.

Трясогузка хвостиком потрясла, побегала-побегала вокруг кедра, да и улетела.

— Великий беркут, глухарь перед дальней дорогой хочет подкрепиться.

Разгневался беркут и повелел всем птицам немедля в тёплые края лететь.

А глухарь ещё семь дней орехи из шишек выбирал, на восьмой вздохнул, клюв о перья почистил:

— Ох, не хватает у меня сил всё это съесть. Жалко такое добро покидать, а приходится...

И, тяжело хлопая крыльями, полетел на лесную опушку. Но птиц здесь уже не видно, голосов их не слышно.

«Что такое?» — глазам своим глухарь не верит: опустела поляна, даже вечнозелёные кедры оголились. Это птицы, когда глухаря ждали, всю хвою склевали.

Горько заплакал, заскрипел глухарь:

— Без меня, без меня птицы в тёплые края улетели...

Как теперь буду я здесь зимова-а-ать?

От слёз покраснели у глухаря его тёмные брови.

С той поры и до наших дней дети, и внуки, и правнуки глухаря, эту историю вспоминая, горько плачут. И у всех глухарей брови, как рябина, красные.

Литературная обработка А. Гарф и П. Кучияка.

Горноста́й и заяц

Зимней ночью вышел горноста́й на охоту. Он под снег нырнул, вынырнул, на задние лапы встал, шею вытянул, прислушался, головой повертел, принялся... И вдруг словно гора свалилась ему на спину. А горноста́й хоть ростом мал, да отважен — обернулся, зубами вцепился — не мешай охоте!

— А-а-а-а! — раздался крик, плач, стон, и с горностаевой спины свалился заяц.

Задняя нога у зайца до кости прокушена, чёрная кровь на белый снег течёт. Плачет заяц, рыдает:

— О-о-о-о! Я от совы бежал, свою жизнь спасти хотел, я нечаянно тебе на спину свалился, а ты меня укуси-и-и-ил...

— Ой, заяц, простите, я тоже нечаянно...

— Слушать не хочу, а-а-а!! Никогда не прощу, а-а-а-а!! Пойду на тебя медведю пожалуюсь! О-о-о-о!

Ещё солнце не взошло, а горноста́й уже получил от медведя строгий указ:

«В мой аил на суд сейчас же явитесь!

Старейшина здешнего леса Тёмно-бурый медведь».

Круглое сердце горностаево стукнуло, тонкие косточки со страху гнутся... Ох и рад бы горноста́й не идти, да медведя послушаться никак нельзя...

Робко-робко вошёл он в медвежье жилище.

Медведь на почётном месте сидит, трубку курит, а рядом с хозяином, по правую сторону, — заяц. Он на костыль опирается, хромую ногу вперёд выставил.

Медведь пушистые ресницы поднял и красно-жёлтыми глазами на горноста́я смотрит:

— Ты как смеешь кусаться?

Горноста́й, будто немой, только губами шевелит, сердце в груди не помещается.

— Я... я... охотился, — чуть слышно шепчет.

— На кого охотился?

— Хотел мышь поймать, ночную птицу подстеречь.

— Да, мыши и птицы — твоя пища. А зачем зайца укусил?

— Заяц первый меня обидел, он мне на спину свалился...

Обернулся медведь к зайцу, да как рявкнет:

— Ты для чего это горноста́ю на спину прыгнул?

Задрожал заяц, слёзы из глаз водопадом хлещут:

— Кланяюсь вам до земли, великий медведь. У горноста́я зимой спина белая... Я его со спины не узнал... ошибся...

— Я тоже ошибся, — крикнул горноста́й, — заяц зимой тоже весь белый!

Долго молчал мудрый медведь. Перед ним жарко трещал большой костёр, над огнём на чугунных цепях висел золотой котёл с семью бронзовыми ушками. Этот

свой любимый котёл медведь никогда не чистил, боялся, что вместе с грязью счастье уйдёт, и золотой котёл был всегда ста слоями сажи, как бархатом, покрыт. Протянул медведь к котлу правую лапу, чуть дотронулся, а лапа уже черным-черна. Этой лапой медведь зайца слегка за уши потрепал, и вычернились у зайца кончики ушей!

— Ну вот, теперь ты, горноста́й, всегда узнаешь зайца по ушам.

Горноста́й, радуясь, что дело так счастливо обошлось, кинулся бежать, да медведь его за хвост поймал. Вычернился у горноста́я хвост!

— Теперь ты, заяц, всегда узнаешь горноста́я по хвосту.

Говорят, что с той поры и до наших дней горноста́й и заяц друг на друга не жалуются.

Литературная обработка А. Гарф и П. Кучияка.

Обида марала

Прибежала красная лиса с зелёных холмов в чёрный лес. Она в лесу себе норы ещё не вырыла, а новости лесные ей уже известны: стал медведь стар.

И пошла лиса на весь лес причитать:

— Ай-яй-яй, горе-беда! Наш старейшина, бурый медведь, умирает. Его золотистая шуба поблекла, острые зубы притупились, в лапах силы былой нет. Скорей, скорей! Давайте соберёмся, подумаем, кто в нашем чёрном лесу всех умнее, всех краше, кому хвалу споём, кого на Медведево место посадим.

Где девять рек соединились, у подножья девяти гор, над быстрым ключом мохнатый кедр стоит. Под этим кедром собрались звери из чёрного леса. Друг другу шубы свои кажут, умом, силой, красотой похваляются.

Старик медведь тоже сюда пришёл:

— Что шумите? О чём спорите?

Притихли звери, а лиса острую морду подняла и заверещала:

— Ах, почтенный медведь, нестареющим, крепким будьте, сто лет живите! Мы тут спорим-спорим, а дела решить без вас не можем: кто достойнее, кто красивее всех?

— Всяк по-своему хорош, — проворчал старик.

— Ах, мудрейший, все же мы хотим ваше слово услышать. На кого укажете, тому звери хвалу споют, на почётное место посадят.

А сама свой красный хвост распустила, золотую шерсть языком охорашивает, белую грудку приглаживает.

И тут звери вдруг увидели бегущего вдали марала. Ногами он вершину горы попирает, ветвистые рога по дну неба след вели.

Лиса ещё рта закрыть не успела, а марал уже здесь.

Не вспотела от быстрого бега его гладкая шерсть, не заходили чаще его упругие рёбра, не вскипела в тугих жилах тёплая кровь. Сердце спокойно, ровно бьётся, тихо сияют большие глаза. Розовым языком коричневую губу чешет, зубы белеют, смеются.

Медленно встал старый медведь, чихнул, лапу к маралу протянул:

— Вот кто всех краше.

Лиса от зависти за хвост сама себя укусила.

— Хорошо ли живёте, благородный марал? — запела она. — Видно, ослабели ваши стройные ноги, в широкой груди дыхания не хватило. Ничтожные белки опередили вас, кривоногая росомаха давно уже здесь, даже медлительный барсук и тот успел раньше вас прийти.

Низко опустил марал ветвисторогую голову, колыхнулась его мохнатая грудь и зазвучал голос, как тростниковая свирель.

— Уважаемая лиса! Белки на этом кедре живут, росомаха на соседнем дереве спала, у барсука нора здесь, за холмом. А я девять долин миновал, девять рек переплыл, через девять гор перевалил...

Поднял голову марал — уши его подобны лепесткам цветов. Рога, тонким ворсом одетые, прозрачны, словно майским мёдом налиты.

— А ты, лиса, о чём хлопочешь? — рассердился медведь. — Сама, что ли, старейшиной стать задумала?

Отшвырнул он лису подальше, глянул на марала и молвил:

— Прошу вас, благородный марал, займите почётное место.

А лиса уже опять здесь.

— Ох-ха-ха! Бурого марала старейшиной выбрать хотят, петь хвалу ему собираются. Ха-ха, ха-ха! Сейчас-то он, красив, а посмотрите на него зимой — голова безрогая, комолая, шея тонкая, шерсть висит клочьями, сам ходит скорчившись, от ветра шатается.

Марал в ответ слов не нашёл. Взглянул на зверей — звери молчат. Даже старик медведь не вспомнил, что каждую весну отрастают у марала новые рога, каждый год прибавляется на рогах марала по новой веточке, и год от года рога ветвистее, а марал чем старше, тем прекраснее.

От горькой обиды упали из глаз марала жгучие слёзы, прожгли ему щёки до костей, и кости прогнулись.

Погляди, и сейчас темнеют у него под глазами глубокие впадины. Но глаза от этого ещё краше стали, и красоте марала не только звери, но и люди славу поют.

Литературная обработка А. Гарф и П. Кучияка.

Нарядный бурундук

Зимой крепко спал в своей берлоге бурый медведь. Когда синичка запела весеннюю песенку, он проснулся, вышел из тёмной ямы, лапой глаза от солнца заслонил, чихнул, на себя посмотрел:

— Э-э-ээ, ма-аш, как я похуде-ел... Всю долгую зиму ничего не е-е-ел...

Его любимая еда — кедровые орехи. Его любимый кедр — вот он, толстый, в шесть обхватов, у самой берлоги стоит. Ветки частые, хвоя шёлковая, сквозь неё даже капель не каплет.

Поднялся медведь на задние лапы, передними за ветки кедра ухватился, ни одной шишки не увидел, и лапы опустились.

— Э, ма-аш! — пригорюнился медведь. — Что со мной? Поясница болит, лапы не слушаются... Состарился я, ослаб... Как теперь кормиться буду?

Двинулся сквозь частый лес, бурную реку мелким бродом перешёл, каменными россыпями шагал, по талому снегу ступал, сколько звериных следов чуял, но зверя ни одного не настиг: охотиться пока ещё силы нет...

Уже на опушку леса вышел, никакой еды не нашёл, куда дальше идти, сам не знает.

— Брык-брык! Сык-сык! — это, испугавшись медведя, закричал бурундучок.

Медведь хотел было шагнуть, лапу поднял, да так и замер: «Э-э-э, ма-а-а-ш, как же я забыл о бурундуке? Бурундук — хозяин старательный. Он на три года вперёд орехами запасается. «Постой-постой-постой!» — сказал самому себе медведь. — Надо нору его найти, у него закрома и весной не пустуют».

И пошёл землю нюхать, и нашёл! Вот оно, бурундуковое жилище. Но в такой узкий ход как такую большую лапу сунешь?

Трудно старому мерзлую землю когтями царапать, а тут ещё корень, как железо, твёрдый. Лапами тащить? Нет, не вытащишь. Зубами грызть? Нет, не разгрызёшь.

Размахнулся медведь — рраз! — пихта упала, корень сам из земли вывернулся.

Услыхав этот шум, бурундучишка ум потерял. Сердце так бьётся, будто изо рта выскочить хочет. Бурундучок лапами рот зажал, а слёзы из глаз ключом бьют: «Такого большого медведя увидав, зачем я крикнул? Для чего сейчас ещё громче кричать хочу? Рот мой, заткнись!» Быстро-быстро вырыл бурундучок на дне норы ямку, залез и даже дышать не смеет.

А медведь просунул свою огромную лапу в бурундуковую кладовую, захватил горсть орехов:

— Э, ма-аш! Говорил я: бурундук хозяин добрый. — Медведь даже прослезился. — Видно, не пришло моё время умирать. Поживу ещё на белом свете...

Опять сунул лапу в кладовую — орехов там полным-полно!

Поел, погладил себя по животу:

«Отощавший мой желудок наполнился, шерсть моя, как золотая, блестит, в лапах сила играет. Ещё немного пожую, совсем окрепну».

И медведь так наелся, что уж и стоять не может.

— Уф, уф... — на землю сел, задумался:

«Надо бы этого запасливого бурундука поблагодарить, да где же он?»

— Эй, хозяин, отзовитесь! — рявкнул медведь.

А бурундук ещё крепче рот свой зажимает.

«Стыдно будет мне в лесу жить, — думает медведь, — если, чужие запасы съев, я даже доброго здоровья хозяину не пожелаю».

Заглянул в норку и увидел бурундуков хвост. Обрадовался старик.

— Хозяин-то, оказывается, дома! Благодарю вас, почтенный, спасибо, уважаемый. Пусть закрома ваши никогда пустыми не стоят, пусть желудок ваш никогда от голода не урчит... Позвольте обнять вас, к сердцу прижать.

Бурундук по-медвежьи разговаривать не учился, медвежьих слов не понимает. Как увидел над собой когтистую большую лапу, закричал по-своему, по - бурундучьи: «Брык-брык, сык-сык!» — и выскочил было из норки.

Но медведь подхватил его, к сердцу прижал и речь свою медвежью дальше ведёт:

— Спасибо, дядя-бурундук: голодного меня вы накормили, усталому мне отдых дали. Не слабеющим, сильным будьте, под урожайным богатым кедром живите, пусть дети ваши и внуки беды-горя не знают...

«О-о, какой страшный голос, — дрожит бурундук, — о-о, какое грозное рычание...»

Освободиться, бежать хочет, медвежью жесткую лапу своими коготками изо всех сил скребёт, а у медведя лапа даже не чешется. Ни на минуту не умолкая, он бурундуку хвалу поёт:

— Я громко, до небес благодарю, тысячу раз спасибо говорю! Взгляните на меня хотя бы одним глазком...

А бурундук ни звука.

— Э, м-маш! Где, в каком лесу росли вы? На каком пне воспитывались? Спасибо говорят, а он ничего не отвечает, глаз своих на благодарящего не поднимает.

Улыбнитесь хоть немножко.

Замолчал медведь, голову склонил, ответа ждёт.

А бурундук думает:

«Кончил рычать, теперь он меня съест».

Рванулся из последних силёнок и выскочил!

От пяти чёрных медвежьих когтей осталось на спине бурундука пять чёрных полос. С той поры и носит бурундук нарядную шубку. Это медвежий подарок.

«Откуда пошли разные народы» (долганская сказка)

В старину были очень жестокие зимы. Однажды поднялась страшная пурга. Люди даже высунуться не смели из чумов. Гуси и разные другие птицы зарылись в снег с головами. Лишь один человек оказался смелым и отправился в путь. Долго блуждал он и вот набрел на теплую страну. Вернулся он к своим людям и сказал: — Я нашел хорошее, жаркое место. Услыхала его рассказ маленькая птичка-чирок и оповестила весь свой птичий народ. Узнали о теплой стране гуси, лебеди и другие птицы, и все улетели. И люди из племени того человека, который весть принес, тоже стали собираться в путь. А человек этот сказал: — Все теперь слышали мою весть! Но сам он не пошел, остался на прежнем месте. Сшил он себе теплую доху, чтобы спастись от холода. Надел эту доху и в птицу луня превратился и идут люди все вместе, держатся друг за друга, ищут дорогу в теплую страну. По пути подстреливают дичь для своего пропитания. У старинных людей оружием были луки. Чтобы стрелы летели прямо в цель, люди привязывали к их нижним концам орлиные перья. Однажды убили эти люди по пути орла и стали делить его перья. Из-за дележа принялись спорить и пререкаться: одному, мол, мало, а другому много перьев досталось. Один человек другому стал говорить: — Мало перьев дал ты мне. Не стану теперь говорить на твоём языке! И каждый из этих людей стал говорить на другом языке. Вот откуда пошли долгане, якуты, тунгусы и самоеды. Вот почему появились народы, говорящие по-разному.